№ 1.

НЕЗАМѢТНЫЙ ГЕРОЙ

ИЛИ

ПОДВИГЪ ПОСЛѢДНЯГО ВЪ РОТѢ.

ОИК
Нар. изо-р.

Незамѣтный герой или подвигъ послѣдняго въ ротѣ.

Дикіе звѣри.

(Изъ разсказовъ о войнѣ 1914 г.).

Перепечатка воспрещается.

Типографія К. Ф. Некрасова въ Ярославлѣ.
1915.

ОЧК

Государств. публичная историческая библиотека РСФСР
1394351

Незамѣтный герой.

Всю ночь продолжалась ожесточенная атака. Темную синеву осенняго неба освѣщало багровое зарево далекаго пожара и въ этомъ невѣрномъ и дрожащемъ отсвѣтѣ непріятель упорно шелъ густыми колоннами, ощетинившись стальными штыками. Но каждый разъ настойчивое упорство австрійцевъ отражалось ружейнымъ и пулеметнымъ огнемъ русскихъ,

Полку было приказано стоять до послѣдняго человѣка, но во чтобы то ни стало сохранить занятую позицію.

Безостановочная трескотня пулеметовъ и зловѣщій свистъ пуль разбивали молчаніе ночи. Со стороны австрійцевъ доносились какіе-то крики и неясный шумъ, но въ нашихъ окопахъ было тихо.

Разговоры замолкли. Только короткія и отрывочныя слова команды да звуки выстрѣловъ казались въ тишинѣ еще болѣе рѣзкими и громкими. Такъ прошла ночь. Наступило утро, дождливое и туманное. Сѣрыя и лохматыя тучи низко проплывали надъ землею, и вдалекѣ казалось, что онѣ цѣпляются своими разорванными краями за покраснѣвшій осиновый лѣсокъ... Сѣрый и холодный вѣтеръ пронизывалъ до самыхъ костей. Пальцы на рукахъ окоченѣли и онѣмѣли отъ усталости, съ трудомъ нажимая тугой ружейный курокъ.

Отъ безпрерывно льющагося дождя въ земляныхъ окопахъ набрались лужи, вѣтеръ ходилъ по нимъ мелкой рябью. Было сумрачно и тоскливо. Въ отрывистомъ и печальномъ крикѣ Богъ вѣсть откуда вылетѣвшаго нахохлившагося ворона было что-то страшное и зловѣщее... Наши солдаты выбивались изъ силъ, но никому изъ нихъ думать объ усталости не хотѣлось, у каждаго была только одна мысль: какъ бы сломить австрійца.

А пулеметы и ружья неумолкая трещали по прежнему... Пришелъ приказъ выяснить число, расположеніе и позиціи австрійцевъ. Но какъ же это узнать? Для этого есть только одно средство достать „языка“ —

плѣннаго австрійца и отъ него вывѣдать военныя тайны непріятеля.

Полковой командиръ, сѣдой и крѣпкій старикъ, любимецъ солдатъ, стоялъ задумчиво нахмурившись. Холодный вѣтеръ шевелилъ полы его промокшей шинели. Онъ поднесъ къ глазамъ полевой бинокль и нѣсколько минутъ внимательно вглядывался въ туманную сѣрую даль. Непріятельскія позиціи были расположены шагахъ въ пятистахъ отъ окоповъ, занятыхъ русскими. И въ бинокль были отчетливо видны австрійскіе окопы, прикрытые кустарникомъ.

Опустивъ бинокль, командиръ поднялъ голову и громко объявилъ солдатамъ:

— Ребята, тому, кто доставитъ австрійскаго солдата, будетъ данъ Георгій. Кто пойдетъ?

Прошло нѣсколько молчаливыхъ секундъ, и впередъ выступилъ маленькій, невзрачный солдатикъ 3-й роты Семенъ Петровъ. Вытянувъ руки и смотря на командира голубыми неморгающими глазами, онъ спокойно проговорилъ:

— Такъ, что ваше благородіе я пойду!

Этимъ заявленіемъ были удивлены и командиръ и солдаты. Ледащій мужиченка, Семенъ Петровъ, трусливый и невзрачный, лицомъ похожій на бабу,

всѣми считался послѣднимъ въ ротѣ, не на что не способнымъ, человѣкомъ никудышнымъ. Солдаты любили надъ нимъ пошутить и побалагурить, особенно надъ его жадностью къ кашѣ. И еще недавно гдѣ-то на ночлегѣ, лежа у дымнаго костра, щеголеватый унтеръ сочинилъ про него пѣсенку:

Какъ у насъ Семенъ Петровъ
Молодецъ изъ молодцевъ.
Каши съѣстъ за цѣлый полкъ,
Все же голоденъ, какъ волкъ,
Онъ у насъ совсѣмъ герой,
Рыжій, тощій и рябой...

И вотъ этотъ Семенъ Петровъ стоитъ теперь передъ командиромъ и спокойно говоритъ, что пойдетъ за австрійцемъ, словно за котломъ каши или за кисетомъ съ махоркой.

Командиръ, взглянувъ на Петрова, не могъ не улыбнуться.

— Ну, сказалъ онъ, помогай Богъ. Иди! Возвращайся героемъ.

И Семенъ Петровъ пошелъ.

Воспользовавшись низкимъ и густымъ туманомъ,

онъ легъ на брюхо, выставилъ впередъ ружье и, похожій на какого-то сѣраго неуклюжаго звѣря, тихо и осторожно поползъ къ австрійскимъ окопамъ.

Поминутно останавливаясь, насторожившись, какъ хорошая охотничья собака, Петровъ прятался въ ложбинки и кусты. Его лицо и руки были исцарапаны колючими вѣтвями кустарниковъ, и тонкія струйки крови, смѣшиваясь съ грязью, засыхали отъ холоднаго вѣтра. Рыжія космы его давно нестриженныхъ волосъ прилипали къ вспотѣвшему лбу. Проползти пятьсотъ шаговъ по сырой, холодной землѣ, поминутно прячась за каждую кочку и кустикъ, было дѣломъ не легкимъ. Не смотря на холодъ Петровъ, весь вспотѣлъ. Во рту было сухо, и губы потрескались. Мучительно захотѣлось пить. Проползая около огромной лужи, отражавшей сѣрыя облака и тучи, Петровъ мелькомъ увидалъ въ ней свое лицо, показавшееся ему теперь чужимъ и незнакомымъ.

Онъ ползъ дальше, и ему почему-то припомнились слова насмѣшливой, сложенной про него, пѣсенки.

Онъ у насъ совсѣмъ герой,
Рыжій, тощій и рябой...

Но припомнивъ эту пѣсенку, теперь онъ на нее не разсердился, какъ два дня назадъ и даже повторилъ про себя не безъ удовольствія:—герой...

Отъ сознанія, что онъ, Семенъ Петровъ, никудышный солдатъ, котораго всѣ считали не на что не способнымъ, исполняетъ сейчасъ важное и отвѣтственное порученіе, наполняло его душу великой радостью и заставляло сердце биться неровнѣе и чаще. Такъ ползъ онъ минутъ пятьдесятъ, не замѣчая времени и только зорко озираясь по сторонамъ. Нѣсколько разъ ему попадались непріятельскіе солдаты изъ сторожевой цѣпи, но онъ во время успѣвалъ ихъ замѣтить и тогда совсѣмъ приникалъ къ землѣ, еле замѣтно отодвигаясь въ кусты.

Такъ Семену Петрову удалось подползти къ австрійскимъ окопамъ на разстояніе шаговъ въ сто.

Цѣль, къ которой онъ стремился, казалась ему теперь уже такой близкой. Сердце его забилось сильнѣе, а въ ушахъ загудѣло, словно отъ далекой канонады. Совсѣмъ слившись съ побурѣвшей осенней травой, онъ на мгновеніе остановился, чтобы передохнуть. Чуть-чуть приподнявъ голову, онъ замѣтилъ сквозь порѣдѣвшую заросль молодыхъ ветелъ бѣлую маленькую хату. Она незамѣтно притаилась

на берегу бурливой извилистой рѣки, отъ которой замѣтно тянуло холодомъ и сыростью.

Вокругъ никого не было. Около хаты лежала разломанная лодка и висѣли спутанныя рыбачьи сѣти.

Петровъ удвоилъ зоркость и осторожность. Неслыша своихъ собственныхъ движеній и затаивъ дыханье, онъ подползъ къ хатѣ.

Тихо и медленно приподнявшись, онъ заглянулъ въ маленькое оконце и увидѣлъ двухъ австрійскихъ солдатъ, мирно спавшихъ на полу съ ружьями въ рукахъ. Ихъ мѣрное и громкое храпѣніе, казалось, одно нарушало тишину.

Стоя на колѣняхъ, Петровъ долго прислушивался къ этому храпу.

Потомъ быстро вскочивъ на ноги, онъ прицѣлился и выстрѣлилъ.

Послышался глухой и короткій стонъ, кто-то тяжело грохнулся на полъ.

Петровъ сильно рванулъ запертую дверь и съ ружьемъ на-перевѣсъ влетѣлъ въ комнату.

Одинъ австрійскій солдатъ былъ мертвъ, а другой съ блѣднымъ и перепуганнымъ лицомъ притаился въ углу за какимъ-то сундукомъ.

— Руки вверхъ! Сдавайся!—закричалъ Петровъ и

кинулся къ перепуганному австрійцу.

Австріецъ безпрекословно исполнилъ приказаніе и бросилъ ружье. Онъ былъ чехъ и понялъ воскликаніе русскаго солдата.

— Ты, братъ, ничего не бойся, успокаивалъ его Петровъ. — Тебѣ ничего не будетъ. На-ка вотъ хлѣбца, поди чай голоденъ?

Австрійскій чехъ не остался въ долгу передъ великодушнымъ побѣдителемъ и предложилъ ему сигару.

Петровъ храбро закурилъ ее, попробовалъ затянуться, но сейчасъ же бросилъ: сигарный дымъ показался ему противнымъ.

— Нѣтъ, братъ, это все нѣмецкія выдумки. Лучше русской махорочки ничего не придумаешь—и Петровъ набилъ свою коротенькую трубочку. Австріецъ засмѣялся. Черезъ нѣсколько минутъ недавніе враги сидѣли и, покуривая, мирно калякали.

— Ну, теперь опять служба! Иди-ка теперь за мной, — сказалъ Петровъ, слегка подталкивая австрійца, и они вышли изъ хаты; впереди австріецъ, а сзади Петровъ, готовый опять ко всякимъ неожиданностямъ и зорко озирающійся по сторонамъ.

— Иди, братъ, иди быстрѣе,—подбадривалъ Петровъ своего плѣнника.

Они шли быстрымъ шагомъ. До русскихъ окоповъ оставалось уже немного, шаговъ около пятидесяти. Ихъ оттуда уже замѣтили и Петрову показалось, что ему что-то кричали. Но въ это же самое время Петрова и австрійца замѣтили съ непріятельскихъ окоповъ. Раздался ружейный залпъ. Одна пуля попала Петрову въ плечо, другая въ правую руку. Но солдатъ продолжалъ итти, только прибавивъ шагу и толкая впереди себя захваченнаго австрійца. И вотъ, наконецъ, Семенъ Петровъ опять въ русскихъ окопахъ.

Онъ смутно слышалъ, какъ вокругъ него всѣ что-то громко заговорили, но гулъ голосовъ ему кажется похожимъ на пѣвучее жужжаніе пчелъ. Въ плечѣ онъ чувствуетъ тупую и ноющую боль, въ глазахъ ходятъ желтоватые, туманные круги. Онъ напрягаетъ послѣднія силы и, широко раскрываетъ глаза, видитъ только одно: блѣдное, взволнованное лицо своего командира.

— Такъ что привелъ „языка“ ваше—благородіе, говоритъ Петровъ и чувствуетъ какъ земля, качаясь, плыветъ у него подъ ногами. Онъ силится сказать

еще что-то, но не можетъ и только сквозь забытье смутно слышитъ взволнованный голосъ насмѣшника унтера:

— Эхъ, сердешный, герой ты теперь настоящій!..

Дикіе звѣри.

Рядовой —ского пѣхотнаго полка Захаръ Воробьевъ пошевелилъ рукой и открылъ глаза. Первое, что онъ увидѣлъ, былъ большой круглый мѣсяцъ. Въ туманномъ и призрачномъ, красноватомъ свѣтѣ онъ различилъ сквозную молоденькую березку, тихо вздрагивавшую отъ вѣтра.

Въ ушахъ у Воробьева шумѣло глухо и смутно. Онъ хотѣлъ приподняться, но едва лишь оперся на локоть правой руки, какъ почувствовалъ нестерпимую боль въ плечѣ. Опрокинувшись опять на спину, глядя на неподвижный красный мѣсяцъ и напрягая память, онъ старался припомнить, гдѣ онъ и что съ

нимъ. Но мысли его не слушались, путаясь отъ неяснаго шума въ ушахъ.

На мгновеніе ему показалось, что онъ у себя въ деревнѣ, лежитъ ночью въ лѣсу и надъ нимъ тихо шумятъ деревья...

Опять очнувшись отъ ноющей боли въ плечѣ, онъ пошевелилъ здоровой лѣвой рукой. Рука попала во что-то холодное, мокрое и липкое. Поднеся пальцы къ пересохшимъ губамъ, онъ различилъ что-то солоноватое. И понялъ неожиданно для самого себя, что это кровь, а боль въ плечѣ отъ того, что онъ раненъ.

Но это сознаніе—оно было еще слишкомъ слабымъ—его не взволновало.

Онъ продолжалъ лежать на спинѣ и, полузакрывъ глаза, глядѣть въ небо.

Такъ прошло нѣсколько минутъ.

Потомъ, потянувъ въ себя свѣжій и холодный ночной воздухъ, Захаръ Воробьевъ приподнялъ голову и, широко открывъ глаза, увидѣлъ опрокинутую и изломанную походную кухню.

Взглянувъ на нее, онъ мгновенно вспомнилъ все. Вспомнилъ, какъ днемъ, когда еще весело и ярко свѣтило солнце, къ нимъ на позиціи привезли го-

рячую пищу. Какъ всѣ солдаты смѣясь и толкаясь, окружили веселаго кашевара и какъ неожиданно раздался гулъ артиллеріи. Здѣсь мысли его опять обрывались и онъ едва могъ припомнить, что тогда днемъ его что-то ударило и обожгло плечо.

Только одно теперь стало ясно Захару Воробьеву: онъ раненъ, свои ушли и ему придется умереть здѣсь ночью, на этомъ полѣ среди труповъ...

Собравъ послѣднія силы, и опираясь на больную руку, онъ нѣсколько разъ повторилъ!

— Братцы, братцы!..

Но ему никто не отвѣтилъ.

Оглянувшись въ другую сторону и насторожившись, Захаръ Воробьевъ ясно различилъ чьи-то шаги. Кто-то шелъ, разговаривая и позвякивая шпорами.

Онъ насторожился еще болѣе и теперь уже ясно различалъ, что идутъ двое. Они громко и оживленно спорили, но разобрать ихъ словъ Захаръ Воробьевъ не могъ.

Прислушавшись, онъ вдругъ съ ужасомъ понялъ, что говорятъ не по-русски.

— Нѣмцы!—какъ молнія мелькнула у него мысль, и сердце заколотилось неровно и сильно.

Двѣ темныя фигуры приблизились къ Воробьеву и при свѣтѣ луны онъ различилъ двухъ нѣмецкихъ офицеровъ.

Что-то темное и тяжелое подступило къ сердцу и Воробьевъ застоналъ громко и протяжно и лишился сознанія.

Одинъ изъ нѣмцевъ франтоватый и тонкій, молодцевато звякнулъ шпорами и брезгливо сказалъ другому.

— Ага! Вотъ одна раненая, но еще живая русская свинья! Хочешь, я пристрѣлю его въ лѣвый глазъ на разстояніи десяти шаговъ?

— Ну, нѣтъ, хрипло смѣясь, отвѣтилъ другой нѣмецъ.—Какой ты стрѣлокъ? Вотъ я—уже достаточно напрактиковался на этихъ раненыхъ и теперь стрѣляю уже безъ промаха!

— Нѣтъ, продолжалъ тонкій. Держу пари на пять марокъ, что я попаду въ лѣвый глазъ!

— Ну на пари я согласенъ. Стрѣляй!

Немецкій офицеръ приблизился къ лежащему безъ сознанія Захару Воробьеву и, не спѣша, отмѣрилъ десять шаговъ. Вынувъ изъ кобура револьверъ, онъ вытянулъ руку и прищурилъ глазъ.

— Да ну же стрѣляй, говорилъ другой офицеръ.

Тонкій нацѣлился и нажалъ курокъ. Раздался выстрѣлъ.

— Ну что, каково? спросилъ хриплый голосъ.

— Увы! отвѣчалъ тонкій. Пять марокъ твои. Меня обманулъ лунный свѣтъ. Я попалъ не въ лѣвый глазъ, а прямо въ лобъ.

И оба офицера, громко расхохотавшись, уходятъ, разговаривая и звеня шпорами...

Рядовой —ского полка Захаръ Воробьевъ лежитъ мертвый, откинувъ лѣвую руку и поджавъ правую.

Холодный мѣдный мѣсяцъ теперь на краю неба. Въ полѣ, гдѣ днемъ шумѣло сраженіе, гдѣ сейчасъ прозвучалъ револьверный выстрѣлъ нѣмецкаго дикаря, тишина и покой. Только одна березка, прозрачная отъ луннаго свѣта, тихо вздрагиваетъ вѣтвями.

ОИК - 58847

—30

Незамѣтный герой или подвигъ послѣдняго въ ротѣ.

П. Критскій. Героическая борьба сербовъ съ турками на Косовомъ полѣ.

Е. Гребенка. Сестра преступница. (Преданіе).

Е. Гребенка. Мачеха и панночка.

М. Салернитано. Приключенія мертвеца.

С. Ковровъ. Какъ донской казакъ нѣмца перехитрилъ.

Е. Гребенка. Атаманъ разбойниковъ Телепень.

Боккаччіо. Приключенія конскаго барышника.

А. Ульяновъ. Любовь сильнѣе вражды. (Разсказъ сестры милосердія).

А. Ульяновъ. Опять отсталъ. (Изъ жизни въ окопахъ).

Вальгоръ. Нѣмецкій шпіонъ.

А. Ульяновъ. Опасная развѣдка.

Джиральди. Венеціанскій мавръ или убійство на островѣ Кипрѣ.

Мольца. Одураченный мужъ или хитрость монаха.

Приключенія двухъ влюбленныхъ.

М. Салернитано. Коварное предательство римскаго папы.

П. Критскій. Магометъ на берегу Босфора или взятіе Константинополя турками въ 1453 году.

Тайны вѣнскаго двора.

П. Критскій. Взятіе Львова.

Деревенскія пѣсни частушки, собранныя **В. И Симаковымъ**. 12 книжекъ.

Съ требованіями обращаться въ Книгоиздательство **К. Ф. Некрасова**, Ярославль. Духовская, с. д., тел. 2—16, или въ отдѣленія: 1) Москва, Петровка, 25, кв. 27, телеф. 3-38-45; 2) Петроградъ, Греческій просп., 15, кв. 41.